

Стоявший рядом с ним коротышка с серьезным розовым личиком, одетый лишь в подгузник, кивнул, вытащил из-за пояса подгузника блокнот и протянул его. Сунь Цзитун взял его, быстро просмотрел и нахмурился:

— Эта Юй Цзыжоу... Похоже, ключевая фигура.

Соска во рту малыша внезапно дернула его за полу одежды, и он невнятно произнес:

— Кто-то идет.

Взгляд Сунь Цзитуна мгновенно упал на Цинь Бучжоу. Увидев прибывшего, он сменил строгое выражение лица на восхищенное, его глаза засияли ярким блеском, и он шагнул вперед, отвесив поклон:

— Уважаемый господин, моя фамилия Сунь. Зовут Цзитун, мне двадцать пять, не женат...

Лица сопровождавших его проводников приняли привычное, но невыносимое для глаза выражение. Цинь Бучжоу странно посмотрел на этого человека, внезапно почувствовав зуд в руках.

Малыш вцепился в штанину Сунь Цзитуна и громко завопил:

— Папа!

Речь Сунь Цзитуна оборвалась на полуслове. Он уже собирался зыркнуть на мальчишку, испортившего ему всю малину, как спутник ущипнул его за бок, заставляя быстро сообразить, что к чему. Сунь Цзитун широко раскрыл глаза от изумления:

— Так это ты тот самый праведник... то есть, вы тот самый старший братец Цинь?

Его старший брат никак не мог быть столь писанным красавцем!

Сунь Цзитун тоже был одним из немногих ныне живущих укротителей демонов Небесного Пути и по свитковой преемственности приходился Цинь Бучжоу младшим братом. С детства наслушавшись историй о Цинь Бучжоу — том самом ученике маминой подруги, — он всегда воображал его суровым бородатым дядькой с изборожденным морщинами лицом.

Цинь Бучжоу с улыбкой прищурился:

— Сунь Цзитун? Рад знакомству.

Сопровождавший их проводник почувствовал, что атмосфера накаляется, и тихо кашлянул:

— Множество вещей здесь обсуждать неудобно, давайте сначала откроем врата миров и поговорим в дороге.

Все кивнули в знак согласия.

Сунь Цзитун сделал еще два шага вперед, вытащил из-за пазухи квадратную ладонную дощечку и швырнул ее вперед. Одновременно с этим он с помощью духовной силы поджег три окутанные бумажными талисманами палочки благовоний, с зажатым в руке дымящимся благовонием глубоко поклонился в сторону брошенной дощечки и звонко, с расстановкой произвел:

— Младший Сунь Цзитун, прошу открыть врата миров!

Его голос внезапно взлетел на несколько октав выше, благовония заискрились и зашипели, рассыпая брызги цветных фейерверков, а крошечная квадратная дощечка превратилась в роскошный и огромный арочный проем, казавшийся уходящим прямо в небеса.

Все присутствующие почтительно поклонились в ответ.

Один из проводников тихо шепнул стоявшему рядом товарищу:

— Каждый раз, когда смотрю на этот ритуал капитана, мне кажется, будто старая шаманка-мошенница пляшет ритуальный танец.

— В глазах обычных людей мы и есть банда шарлатанов.

По окончании ритуала Цинь Бучжоу с любопытством поднял голову и увидел, как Сунь Цзитун кивнул членам отряда, первым шагнул в арочный проем и на глазах у всех исчез.

Цинь Бучжоу неторопливо последовал за проводниками вперед и, переступая через порог арки, почувствовал перед собой слой струящейся невидимой водяной пленки. Прорвав ее, он обнаружил, что оказался в сияющей галерее из голубого нефрита, достаточно просторной, чтобы в ней свободно разошлись несколько сотен человек. Цинь Бучжоу внимательно оглядел галерею: казавшиеся совершенно новыми узоры на стенах излучали точно такую же древнюю и первозданную ауру, как Четыре Бронзовых Колокола и Пруд Лазурного Нефрита.

Когда все проводники вошли, Сунь Цзитун, прижимая к себе сосущего соску малыша, поравнялся с Цинь Бучжоу. Он достал из подгузника ребенка тот самый блокнот и протянул Цинь Бучжоу:

— Не знаю, есть ли у старшего брата какие-то соображения на этот счет.

Увидев имя Юй Цзыжоу, Цинь Бучжоу слегка нахмурился, опустил взгляд, быстро просмотрел текст и поднял голову:

— Моя цель на этот раз — не только вернуть Пруд Лазурного Нефрита, но и разобраться с этой организацией убийц. Состав ее участников, включая эту Юй Цзыжоу — все они полукровки-ёкаи.

В конце нефритовой галереи виднелись Врата Света. Шагнув сквозь них, Цинь Бучжоу очутился в месте невероятной, опьяняющей красоты, напоминавшем утопический земной рай: зеленые горы, прозрачные воды и пестрые лепестки персиковых деревьев. Оглянувшись, он встретился взглядом с пораженными лицами проводников. Сунь Цзитун тут же произнес с серьезным видом:

— Старший брат, прошу за мной, в зал совещаний.

Алтарь Жертвоприношения, Фонарь Призыва Душ, Пруд Лазурного Нефрита и Четыре Бронзовых Колокола вместе именуются Четырьмя Законами Небесного Пути. Когда живые души рассеиваются, Четыре Бронзовых Колокола умирят дух, Фонарь Призыва Душ приводит его, Пруд Лазурного Нефрита питает и возвращает, а в конце их отправляют на Алтарь Жертвоприношения для упокоения, что символизирует милосердие Небесного Пути.

Однако Фонарь Призыва Душ, Пруд Лазурного Нефрита и Четыре Бронзовые Колокола были утеряны давным-давно, и только Алтарь Жертвоприношения неизменно хранился под печатью в штаб-квартире Гильдии укротителей демонов.

— Четыре Бронзовых Колокола я уже отбил. Если я не ошибаюсь, Фонарь Призыва Душ находится в руках организации убийц.

Цинь Бучжоу подпер рукой подбородок и неторопливо рассуждал:

— Похоже, их план по сбору живых душ подходит к концу. И то, что в этот раз не удалось заполучить Пруд Лазурного Нефрита, не так уж важно — боюсь, их следующей целью станет захват Алтаря Жертвоприношения.

— Хотя Алтарь Жертвоприношения — орудие милосердия, если окропить его чистой кровью и осквернить зловещими вещами, это породит страшную беду.

Сидевший на главном месте седовласый и сухощавый старец с густой бородой посмотрел на нефритовое изваяние, надежно запечатанное и водруженное посередине круглого стола для совещаний. Он прищурился, дрожащими руками вытащил из рукава деревянную табличку для голосования и положил ее на стол:

— Я предлагаю немедленно созвать всех укротителей демонов выше пятой ступени и установить строжайшую охрану.

Сунь Цзитун тут же швырнул на стол свою табличку:

— Поддерживаю.

— Поддерживаю.

— Поддерживаю.

За исключением двоих проголосовавших против и одного воздержавшегося, все присутствующие выразили согласие.

После завершения голосования один из старцев посмотрел на пожилого мужчину, занимавшего главное место, и спросил:

— Цзютин, что означает чистая кровь?

Цзютин-цзы слегка приоткрыл прищуренные глазки и искоса глянул на старика:

— Ты культивируешь Человеческий Путь, откуда тебе знать. Чистая кровь — это предельно чистая и безупречно светлая кровь... такая как Врожденная Кровь Дао, Кровь Трех Инь Демона, Кровь Духовного Медиума и тому подобное.

— Верно, Небесный Путь и Путь Искажений искусны в использовании внешних материй для сотворения заклинаний, и кровь — одно из них. Но использовать живые души — это методы демонических еретиков.

Представитель укротителей демонов Пути Искажений подхватил разговор:

— Я считаю, что за этой группировкой определенно стоят люди из Гильдии укротителей демонов, тайно им помогающие. Какова бы ни была их цель, подобную практику необходимо пресечь и строго наказать.

— На самом деле... заклинаний, задействующих жертвоприношение душ, всего-то пара штук, — усмехнулся Цзютин-цзы. — Причина, по которой им вдруг понадобился Пруд Лазурного Нефрита, заключается, должно быть, в том, что собранные живые души повреждены. А раз они до сих пор не предприняли никаких действий, значит, они всё еще ищут подходящую кровь для жертвоприношения.

Кровь Трех Инь Демона и Кровь Духовного Медиума не объявлялись уже целое столетие. А Врожденная Кровь Дао...

Он неторопливо перевел взгляд на Цинь Бучжоу:

— Раз уж зашла речь, не стану скрывать от всех присутствующих: этот мой племянник по школе и есть обладатель Врожденной Крови Дао.

Цинь Бучжоу, на которого в тот же миг уставились все до единого, сидел погруженный в задумчивость, пока Сунь Цзитун не пихнул его коленом под столом. Только тогда он очнулся и случайно сломал зажатую в пальцах ручку.

Те сюжетные моменты из оригинала, что казались столь нелепыми, но при этом скрывали глубокий смысл: выходящие за рамки обычного отношения между Цинь Бучжоу и Се Хэном, словно предопределенное взаимное притяжение Се Хэна и Юй Цзыжоу, внезапная смерть Цинь Бучжоу, выкидыш у Юй Цзыжоу...

Цинь Бучжоу никогда не страдал от недостатка стратегического мышления; напротив, его дедуктивные способности были весьма высоки. Просто он свято верил в то, что любые интриги — полная чушь перед лицом абсолютной силы. Если можно было разобраться кулаками, он никогда не тратил лишних слов, да к тому же вечно забрасывал лечение, отчего у окружающих закрепилось впечатление, будто у этой красавицы не все дома.

Но в этот момент в голове Цинь Бучжоу вихрем пронеслись огромные массивы информации. У него внезапно родилась догадка.

Если дело обстояло так, то даже отправка Юй Цзыжоу к Се Хэну руками самого Цинь Бучжоу вполне могла входить в планы того кукловода, что прятался в тени.

— Позвольте спросить, старший дядя Цзютин, — поднял глаза Цинь Бучжоу, — какое именно заклинание задействует сразу все три вида чистой крови?

Вернувшись в комнату, Се Хэн столкнулся с такой удушающей, плотной волной убийственной ауры, что его едва не сбило с ног. Подавшись инстинктам, он отступил на полшага в сторону и качнул корпус, как раз избежав летевшего прямо в лоб короткого клинка. Три кинжала чиркнули по его лицу и глубоко вонзились в дверную панель.

Се Хэн был физически слаб, но это вовсе не значило, что его боевые навыки равнялись нулю. Согнув руку, он отбил нацеленный в него высокий удар ноги девушки и в два счета прижал ее к стене обратным захватом, отчего на запястьях звякнули бубенцы.

Се Хэн слегка нахмурил брови, и в его персиковых глазах скопился осколочный холодный свет:

— Юй Цзыжоу?

Когда Юй Цзыжоу вновь безжалостно вжали лицом в пол, ее отчаянные атаки и чересчур яростный ближний бой начали истощать и без того хилое от рождения тело Се Хэна. Он тихо кашлянул, стирая со стиснутых губ капли крови, и холодно уставился на трепыхавшуюся в беспорядке под ним девушку:

— Чего ты в конце концов добиваешься?

Кончики пальцев Юй Цзыжоу внезапно удлиннились и заострились, преодолевая сопротивление удерживавших ее запястий путы, и свирепо метнулись к горлу Се Хэна. Се Хэн успел увернуться, но на предплечье и сбоку на шее все же остались немаленькие рваные раны. Хлынула кровь.

Настроение у Се Хэна было испорчено вкрай: эта девчонка владела техникой побега, вырубить ее ударом не удавалось, а силы в ней оказалось столько, что связывать ее не имело ни малейшего смысла.

Куда запропастилась больничная охрана, неужели их задержали ёкаи снаружи?

Се Хэн опустил взгляд. При мягком свете ламп на девушке красовались разорванные черные одежды, фиолетовые кошачьи глаза таили в себе загадочность и манящую сказочность, а белоснежная, нежная кожа юной девы, гладкая и безупречная, как баранье сало, отливала едва заметным, чувственным сиянием. Кровавые подтеки у ключицы добавляли ей болезненной, извращенной красоты. Эта живая картина и яркий цветочный контраст производили мощнейший визуальный эффект.

В воздухе непонятно откуда разлился сладковатый аромат, приторно-дурмнящий, напоминающий сливочные карамельки из далекого детства. словно крошечные невидимые крючки, он в самый момент, когда Се Хэн еще не успел опомниться, начал по крупитцам вытягивать наружу его извечно дремавшие желания.

Что-то здесь не так... В чем дело. Ощувив собственную реакцию, Се Хэн легко нахмурился, перевернулся, отступил на пару шагов назад, а в пересохшем горле мгновенно запылал страшный жар, заставивший его снова зайти в приступе кашля и сплюнуть кровь. В этот момент Юй Цзыжоу тоже потеряла рассудок из-за упоительного запаха, что неотвязно витал у самого кончика её носа. Этот аромат, затаившийся среди смрада крови, был едва уловимым, но при этом напоминал самое изысканное, густое и выдержанное вино. От него кружилась голова, доводя до безумия, так и подмывая хоть разок испить его до дна. Сама того не осознавая, она прижалась всем телом к груди Се Хэна, высунула язык и сквозь ткань принялась слизывать с него этот манящий запах, а на макушке у неё выросли и забавно зашевелились пушистые розовые кошачьи ушки.

— Посмотри на меня... — прошептала Юй Цзыжоу, словно очарованная лесная демонница.

Се Хэн с отвращением нахмурился и оттолкнул девушку, но та, гибкая, словно повители, вновь обвилась вокруг него, обхватив руками за талию и безостановочно ластясь к нему всем телом.

На каждые десять романов о любви приходится девять главных героев с брезгливостью к чужому телу, и Се Хэн был как раз из их числа. Более того, он сочетал в себе все замашки занудного перфекциониста под знаком Девы с маниакальной педантичностью и ментальной брезгливостью — просто в обычной обстановке, когда триггеры не срабатывали, это было незаметно. В оригинальном сюжете Се Хэн принял девушку, потому что втайне проникся к Юй Цзыжоу чувствами, но Цинь Бучжоу явился слишком рано, грубо прервав общение главных героев, едва начавшееся. Для Се Хэна Юй Цзыжоу была лишь знакомой подчинённой, от прикосновений которой его и вовсе выворачивало наизнанку.

Се Хэн уже почти собрался пустить в ход кулаки, как дверь палаты внезапно распахнулась.

— Се-шао? Я стучал, но вы не ответили... — Голос Цзян Байчуаня оборвался на полуслове. Он остолбенел, глядя на царящий вокруг кавардак и пятна крови на полу, а когда слегка перевёл взгляд, то и вовсе лишился дар речи при виде двух катавшихся по земле фигур.

Э-э, это что... ролевые игры с кошачьими ушками?

Устраивать подобное прямо в больничной палате — это всё-таки перебор ๐▽๐?!

Услышав звук, Се Хэн легонько кашлянул, скосил глаза и посмотрел в его сторону. Цзян Байчуань умудрился разглядеть в его чистых, прозрачных персиковых глазах мольбу о помощи. Прекрасное, неизменно холодное лицо Се Хэна сейчас пылало нее румянцем, а из-за проступившей на бледном лице болезненности он казался донельзя хрупким.

Боже правый, как же этот беззащитный Се-шао может быть настолько мил...

Опомнившись, Цзян Байчуань поправил очки и отдал приказ телохранителю за спиной:

— Чего встал? Уведи эту женщину.

Телохранитель шагнул вперёд и вывел из палаты потерявшую рассудок Юй Цзыжоу, которая продолжала тереться о Се Хэна.

Цзян Байчуань помог Се Хэну устроиться на кровати, подложив под спину подушку, подкатил на инвалидном кресле ближе и налил воды:

— Тебя что, отравили? — Он протянул стакан Се Хэну и направился к окну, чтобы распахнуть форточку.

Свежий воздух выветрил смертоносный сладковатый аромат. Немного переведя дух, Се Хэн выровнял дыхание, и его взгляд вновь стал ясным. Он взял стакан, но объясняться не собирался — лишь спокойно кивнул Цзян Байчуаню:

— Прошу прощения, потерял контроль над собой.

Вид у него был такой, будто ничего и не произошло.

Цзян Байчуань только вздохнул:

— Ну ты и человек... — Осёкшись, он не стал развивать эту тему и с улыбкой сменил пластинку: — И что ты собираешься делать с этой дамочкой?

Се Хэн поднял руку, чтобы помассировать переносицу, и взял с прикроватной тумбочки телефон:

— Секунду.

Он по очереди набрал номер больничной охраны и своего помощника Фан Юаня и ледяным тоном, от которого разило холодом и в каждом слове сквозила замороженная насмешка, отчитал их на чём свет стоит.

Убитый горем Фан Юань мысленно взвыл: этот босс-ямаха снова вернулся! Великий господин Цинь, вы где вообще QAQ

На пятый день после ухода Цинь Бучжоу Се Хэн выписался из больницы. В день выписки за ним приехал помощник Фан Юань. Доставив Се Хэна к дому Цинь Бучжоу, он по приказу шефа сразу уехал, а Се Хэн сам отпер ворота особняка, введя цифровой код.

Цинь Бучжоу поселил Се Хэна у себя потому, что вокруг его особняка были расставлены защитные барьеры против демонов, которые активировались при малейшем присутствии демонической ци.

В то же время Цинь Бучжоу, получив от старейшин Небесного Пути и Пути Искажений подтверждение своим догадкам, ступил на путь возвращения домой через Малые Врата Миров.

Уже вечерело, сугубо сгущались сумерки. Яркие краски закатных облаков окрасили половину небосвода в багрово-пепельные тона, тогда как другая половина тонула в густой синеве ночи, напоминавшей тушь.

Выйдя из Малых Врат Миров, Цинь Бучжоу покосился на Сунь Цзитуна в длинных одеждах, чья разнузданная манера держаться напоминала бродягу, и скривился от отвращения:

— Ты почему увязался за мной?

Сунь Цзитун прижимал к груди маленького паренька, уже переодетого в древнекитайское ханьфу, и с ухмылкой ответил:

— Учитель велел мне помочь старшему брату, от меня будет много пользы.

Цинь Бучжоу ничего на это не ответил, лишь разгладил растрёпанные ветром чёрные пряди на макушке и зашагал к выходу из парка. Сунь Цзитун поспешил следом.

За пять дней они бессчётное число раз сходились в спаррингах с Цинь Бучжоу. Поначалу они ещё сражались на равных, но вскоре, будь то боевые искусства или рукопашный бой, Сунь Цзитун неизменно превращался в лужу грязи за считанные секунды. В конце концов он окончательно оставил свои дурные замыслы насчёт спутника. Сколь прекрасен ни был бы этот красавец, нужно ещё иметь здоровье, чтобы выдержать такое, а становиться тем, кого прижмут к полу и не дадут пикнуть, ему совсем не улыбалось. Казалось, Цинь Бучжоу обладал неким звериным инстинктом к бою от рождения: сколь бы сложной ни была техника, стоило применить её хоть раз, как он тут же осваивал её в совершенстве, а совершив ошибку однажды, никогда не повторял её во второй раз. В этом мире мало что могло ускользнуть от пронзительного взгляда его светлых золотистых глаз.

Сотрудники, прибывшие на выручку, уже навели порядок и разъехались, Хайчэнский парк тоже был отремонтирован: несколько ребятишек резвились на новенькой горке и в песочнице, и их звонкий, беззаботный смех оживил этот вечно холодный и мрачный город.

Чтобы избежать утечки информации, Цинь Бучжоу никому не сообщил о своём возвращении, лишь заранее велел помощнику припарковать машину у Хайчэнского парка. Он открыл дверь, уселся на заднее сиденье и, скрестив ноги, принялся вальяжно командовать Сунь Цзитуну:

— За руль.

Сунь Цзитун занял водительское кресло, усадил своего напарника в обличье маленького мальчишки на пассажирское сиденье и завёл мотор. Обернувшись к Цинь Бучжоу, он увидел, что тот с очаровательной улыбкой и грациозными манерами... извлекает из мини-холодильника стаканчик мороженого, сдирает упаковку и преспокойно принимается за еду.

Старший брат, хорош дурачиться, мне вообще-то сейчас страшно!

Поскольку Цинь Бучжоу вольно или невольно разрушил множество чужих планов, засада на дороге была гарантирована на сто процентов. Однако большая часть сил Гильдии укротителей демонов была переброшена к Алтарю Жертвоприношения и Малым Вратам Миров, так что выделить людей для его сопровождения было абсолютно некому. Представитель укротителей демонов Небесного Пути Цзютин-цзы сперва хотел оставить Цинь Бучжоу в штаб-квартире, но тот вежливо отказался.

То ли поддавшись влиянию эмоций, оставшихся от прежнего владельца тела, то ли по какой-то иной причине, Цинь Бучжоу всё равно тревожился за Се Хэна.

Цзютин-цзы не стал настаивать и лишь отправил своего личного ученика — младшего брата Цинь Бучжоу, Сунь Цзитуна, — проводить того до дома.

Сунь Цзитуну так и хотелось схватить его за воротник и заорать во всё горло: неужели он не понимает, какая опасность ждет их впереди, раз умудряется уплетать мороженое в такой момент?!

Заметив его взгляд, Цинь Бучжоу невинно моргнул:

— За рулём есть нельзя, доедем — поделюсь.

...Да я вовсе не собираюсь его есть.

— Старший брат, приготовься, — Сунь Цзитун вздохнул, потёр лоб, вывернул руль и выехал со стоянки на глухую объездную дорогу, ведущую к особняку Цинь Бучжоу на окраине города.

Дорога была подозрительно тихой. Сунь Цзитун твердил себе, что нельзя терять бдительность, но нервы, натянутые до предела, всё равно невольно начали сдавать.

Они уже приближались к концу пути, впереди показался поворот.

Цинь Бучжоу, покусывавший ложечку, внезапно скатал упаковку от мороженого в комок и выбросил в окно.

Он медленно поднял глаза, и его светлые зрачки заполнились оранжево-жёлтым сиянием догорающего заката. С Собравшаяся в его теле духовная энергия заструилась вокруг, заставляя волосы взлетать без всякого ветра.

Боевые рефлексy были вплавлены в самую его костную мозг: ему не требовалось специально поддерживать защитную стойку, он чувствовал приближение опасности на уровне безусловных рефлексов, едва она возникала на горизонте. Именно этим Цинь Бучжоу и превосходил Сунь Цзитуна. Сколь опасными ни были бы схватки укротителей демонов с нечистью в мирное время, они не шли ни в какое сравнение с жизнью киборгов, которые с первыми лучами солнца вечно сражались за выживание. Их землей был сам театр военных действий, где им приходилось бороться с самой природой.

— Черт, дорожные заграждения, — пробормотал Цинь Бучжоу, глядя на траектории потоков воздуха.

Маленький мальчишка на переднем сиденье, услышав его бормотание, перевесился через спинку кресла. Он увидел, как до этого спокойно сидевший сзади Цинь Бучжоу распахивает дверь, вытаскивает массивный чёрный каменный нож, встаёт прямо на порог машины и свысока бросает косой, прищуренный взгляд. Его волосы развевались на ветру, очерчивая плавные линии, а на фоне неба, где закат смешивался с первыми звёздами, он казался сошедшим с полотна живописца.

Сунь Цзитун посмотрел в зеркало заднего вида и остолбенел:

— Старший брат?

— Продолжай ехать, будь осторожен. Я скоро, — мягко улыбнулся Цинь Бучжоу. Отпустив ручку, он захлопнул дверь и взмыл в воздух, словно выпущенный из пушки снаряд.

Сунь Цзитун попытался что-то крикнуть, но в этот момент потоки духовной энергии пробили насквозь мчавшееся колесо, раздался громкий хлопок, и дорога впереди неестественно изогнулась и пошла трещинами. Ему пришлось резко выкрутить руль, уворачиваясь от удара, чтобы припарковаться у обочины.

В тот самый миг, когда волна духовной энергии разорвалась в воздухе, расходясь во все стороны, в доме Цинь Бучжоу, расположенном в недалёком коттеджном посёлке...

Се Хэн, готовивший ужин на кухне, вдруг задохнулся, словно его ударила невидимая стена, и согнулся пополам, прижав руку ко рту и заходясь в жутком кашле. От резких движений на руках и шее разошлись свежие швы, из уголка рта потекла кровь. Лицо его сделалось почти прозрачно-белым, но он по-прежнему оставался отстранённым и безэмоциональным.

Се Хэн посмотрел в окно, но за стеклом царил лишь непроглядная тьма.

Неужели ночь наступила так рано?

<http://bllate.org/book/21627/2231388>